

Обыденное знание как эпистемический феномен

Ю.В. Буртовая

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 20.06.23

В окончательном варианте: 30.06.23

■ Для цитирования: Буртовая Ю.В. Обыденное знание как эпистемический феномен // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. №3. С. 113–119. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.11>

Аннотация. Основной задачей науки является добыча нового знания, тогда как в области обыденного знания человек чаще всего не вырабатывает самостоятельно нового знания, а использует уже имеющееся. Отсюда вытекает очевидная особенность обыденного знания: оно усваивается индивидом как бы исподволь, посредством участия в совместной жизнедеятельности с другими людьми. В статье автор сосредотачивается на описании, функционировании и ценности обыденного знания.

Ключевые слова: обыденное знание; вненаучное знание; дифференциация знания; повседневный опыт.

Ordinary knowledge as an epistemic phenomenon

J.V. Burtovaya

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 20.06.23

Revision submitted: 30.06.23

■ For citation: Burtovaya J.V. Ordinary knowledge as an epistemic phenomenon. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(3):113–119. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.11>

Abstract. The main task of science is to extract new knowledge, while in the field of ordinary knowledge a person, most often, does not develop new knowledge on his own, but uses the existing one. This implies an obvious feature of everyday knowledge: it is absorbed by an individual, as it were, subtly, through participation in joint life with other people. In the article, the author focuses on the description, functioning and value of everyday knowledge.

Keywords: ordinary knowledge; non-scientific knowledge; differentiation of knowledge; everyday experience.

В древнегреческой философии активно противопоставлялось *знание и мнение*, а также было разработано понятие *житейской мудрости*, к которому философия также испытывала презрение. Выделившись из философии, наука противопоставила себя, прежде всего, *обыденному знанию*. Данный тип знания — если вести отчет со времени появления науки — это знания, унаследованные от эпохи Архаики и продолжающие формироваться в составе культуры

уже наряду с философией и наукой. Общая характеристика обыденного знания состоит в том, что оно, во-первых, бессистемно и эклектично, во-вторых, в нем отсутствует предметная дифференциация, в-третьих, оно не опирается на какую-либо методологию, в-четвертых, оно насыщено всевозможными предрассудками, поверьями, приметам, непроверенными сведениями, стереотипами и т. п. Со времени возникновения науки и до сей поры оппозиция науки обыденному знанию сохраняется.

Обыденное знание составляет часть обыденного сознания, т. е. такого сознания, которое формируется и функционирует в сфере обыденной, т. е. неспециализированной жизнедеятельности. Оно является выражением и до известной степени регулятором этой жизнедеятельности. В ней формируется специфический обыденный опыт. В ходе этого опыта формируется и соответствующее ему знание, которое и называется *обыденным* знанием. Б.Я. Пукшанский определяет «обыденное знание как знание жизненно-практическое, не получившее строго концептуального, системно-логического оформления, не требующее для своего усвоения и передачи специального обучения и подготовки и являющееся общим внепрофессиональным достоянием всех членов общества» [1, с. 24]. Данное определение охватывает основные атрибуты обыденного знания, хотя и не все. Но даже если бы оно охватывало их все, эти атрибуты не нуждаются в специальном их освещении.

Прежде всего, следует отметить, что обыденное знание четко не выделяется в составе обыденного сознания как некое обособленное образование. Обыденное сознание как таковое синкретично, сколько-нибудь определенно не дифференцировано внутри себя. Поэтому в нем знания тесно соседствуют с этическими нормами, эстетическими воззрениями, религиозными или антирелигиозными убеждениями и т. д. Все это сложно переплетено в обыденном сознании, и потому, собственно, обыденное знание из него извлечь можно только посредством абстракции.

Но и само это знание недифференцировано (или же предельно слабо дифференцировано) внутри себя. В науке можно выделить целый ряд структур, одной из которых является попредметная дифференциация наук и научных знаний. По мере развития науки эта дифференциация усиливается, дополняясь, конечно, процессом интеграции наук. Ничего подобного не имеет места в сфере обыденного знания. Подчеркнем, что на это не оказывает влияния процесс развития науки. На любом этапе истории обыденное знание не отличается сколько-нибудь выраженной попредметной дифференциацией. Это объясняется, прежде всего, неспециализированным характером обыденного знания. Поскольку оно неспециализированно, постольку оно и не нуждается в предметной дифференциации. Кроме того, эта его неспециализированность фундируется тем обстоятельством, что оно — знание *для всех*: «повседневный опыт и знание приобретают все нормальные люди, чего мы не можем сказать ни о каком виде специализированного знания» [2 с. 125]. Для того, чтобы работать в области специализированного знания, человек должен пройти длительную образовательную подготовку. Стало быть, субъект обыденного знания и субъект знания научного — это разные люди, хотя они могут сосредотачиваться в одном и том же человеке, поскольку он не находится в «башне из слоновой кости», но живет и полноценной обыденной жизнью, в сфере которой,

возможно, его специализированные знания могут и не быть непосредственно востребованными.

Следующей особенностью обыденного знания является то, что оно, как правило, применяется неосознаваемо, без самоотчета человека, его применяющего, оно не требует предварительной артикуляции. Тогда как специализированное знание требует и постоянного самоотчета, и артикуляции. Ученый вообще не должен действовать по инерции, его отношение к уже добытому научному знанию в той области, в которой он является специалистом, обязано быть критическим. Носителю обыденного знания это ни к чему. Как отмечает В.С. Степин, «для обыденного сознания соблюдение основных установок научного этоса совсем не обязательно, а подчас даже и нежелательно» [3, с. 31].

К тому же основная задача ученого — добывать новые знания, тогда как в области обыденного знания человек чаще всего не вырабатывает самостоятельно нового знания, а использует уже имеющееся. Отсюда — очередная особенность обыденного знания: оно усваивается индивидом как бы исподволь, участвуя в совместной жизнедеятельности с другими людьми. Поэтому отсутствует и какая-либо методология приобретения и выработки обыденного знания. «В обыденном познании, — отмечает Р.Н. Дождикова, — в качестве идеалов и норм объяснения и описания выступают правда жизни, простота, наглядность, народные приметы, житейская мудрость, поведенческие и ментальные схематизмы (здравый смысл, архетипы национального характера), языковые игры (юмор, шутки, загадки), повседневный язык, метафорические смысло-образы, а также такие конкретные человеческие качества, как смекалка, рассудительность, ясное мышление» [4, с. 35]. В связи с этим следует указать на несистематизированность, бессистемность обыденных знаний. Они представляют собой конгломерат часто не только разрозненных, никак не связанных друг с другом «блоков» знаний и сведений, но подчас резко противоречащих друг другу, несовместимых между собой. В обыденном знании могут присутствовать как истины (какими бы банальными подчас они ни были), так и откровенные заблуждения и предрассудки, давно разоблаченные и преодоленные наукой. Поэтому утверждение А. Эйнштейна: «Вся наука является не чем иным, как усовершенствованием повседневного мышления» [5, с. 200] в корне неверно. Наука и вырабатывается как *преодоление* повседневного мышления.

«Существенной особенностью повседневного опыта как культурной системы является его *бесписьменный* характер. С возникновением специализированных форм духовной культуры письменность была монополизирована интеллектуальной элитой — философами, богословами, учеными, поэтами, историками» [2, с. 134]. Конечно, первые поэты и некоторые философы (к примеру, Сократ) не записывали своих поэтических или философских сочинений, но наука, и тем более теология, в принципе внеписьменной трудно представляема. Обыденное же знание, почерпнутое из повседневного опыта и востребуемое этим опытом, передается от человека к человеку и от поколения к поколению, как правило, в живом общении. Но это, конечно, не значит, что оно вообще не фиксируется письменно. Просто в культуре отсутствует необходимость и задача такого фиксирования.

Б.Я. Пукшанский отмечает неконцептуализируемый характер обыденного знания. Концептуализация — это, как известно, работа на уровне понятийного

мышления, т. е. на теоретическом уровне, а таковой *отсутствует* в сфере обыденного знания; это — исключительное достояние науки. Обыденное знание оформляется не посредством понятий, а посредством *представлений*, более низкой формы мышления. Как известно, четкое различие между понятием и представлением дал в свое время Гегель. «В наших представлениях, — писал он, — имеет место одно из двух: либо содержание принадлежит области мысли, а форма не принадлежит ей, либо, наоборот, форма принадлежит области мысли, а содержание не принадлежит ей» [7, с. 123]. В понятии же и содержание, и форма в равной мере принадлежат «области мысли».

Своеобразной логикой, действующей в сфере обыденного знания, является так называемый *здравый смысл* («здравый рассудок»), то, что Аристотель определял как «житейскую мудрость» (φρόνησις). Гегель и Маркс относились к здравому смыслу резко отрицательно, отождествляя его с голым рассудком, лишенным диалектичности. К. Маркс, к примеру, писал: «Весь *грубиянский характер* “здорового человеческого смысла”, который черпает из “гущи жизни” и не калечит своих *естественных* наклонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удастся заметить *различие*, он не видит *единства*, а там, где он видит *единство*, он не замечает *различия*. Когда он устанавливает *различающие определения*, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом» [8, с. 299].

Стоит подчеркнуть, что философы по преимуществу не занимали столь высокомерного отношения к здравому смыслу. Например, Аристотель ценил житейскую мудрость (рассудительность) за то, что она имеет дело не только с общим, но и с частным. «Вот почему, — писал по этому поводу мыслитель, — некоторые, не будучи знатоками [общих вопросов], в каждом отдельном случае поступают лучше иных знатоков [общих правил] и вообще опытни в других вещах» [9, с. 180]. Но, конечно, абстрактно ставить вопрос о ценности обыденного знания и здравого смысла нельзя. Эта ценность всякий раз конкретно-исторична. Так, в условиях еще недостаточно развитой науки (как это обстояло в эпоху Античности) или в условиях доминирования религии (как это имело место в Средние века) обыденное знание и здравый смысл, безусловно, играли положительную роль. Но вот в условиях, когда в центр культуры выдвинулась наука, когда, вследствие научно-технической революции, наука внедрилась во все сферы культуры, в том числе и в сферу обыденного опыта, статус обыденного знания, естественно, снижается, и границы его уместности сужаются. Но, конечно, полностью вытеснить обыденное знание научное знание никогда не сможет. Да это и ни к чему. Более того, это вредно. Ведь, скажем, нынешний человек в соответствии с современными научными знаниями не должен бы пользоваться такими выражениями, как «восход солнца» и ему подобными, так как оно не восходит и не заходит, а находится в центре Солнечной системы и само движется по своей орбите в системе галактики; он не должен говорить о цветах радуги, так как цвет есть результат взаимодействия световых волн определенных длин и сетчатки глаза и т. д. Но такого рода знания допустимы в очень узких областях науки и техники и вряд ли уместны в практической повседневной жизнедеятельности.

В ходе исторического развития науки происходит все усиливающийся разрыв между некоторыми научными знаниями и тем массивом обыденного знания, который вытекает из обыденного опыта и обслуживает его. Особенно это относится к науке XX и начавшегося XXI века. Наука оперирует понятиями о таких реалиях, которые в принципе *не могут* быть даны в обыденном опыте. В этом опыте человек непосредственно не сталкивается ни с электронами, ни с протонами; ни с нейтрино, ни с кварками; ни с генами, ни с хромосомами; не измеряет расстояния ни парсеками, ни просто световыми годами... И так далее. И это закономерно. Чем дальше вширь и вглубь реальности в своей познавательной деятельности продвинулась наука, тем менее применимы непосредственно ее результаты в сфере обыденной жизнедеятельности. И это обстоятельство является аргументом в пользу тезиса о культурной *необходимости* существования обыденного знания. Известный отечественный специалист В.С. Швырев отмечает в этой связи: «Обыденное сознание является такой же естественной стадией общественного сознания, как и научное мышление. Развитие последнего не отменяло, не отменяет и не будет, по-видимому, отменять и изживать обыденное сознание. Обыденное сознание в жизнедеятельности человеческого общества решает свои задачи, и эти задачи не решаются средствами научного мышления» [10, с. 27].

Сфера обыденного знания не остается неизменной. Ее содержание, как и содержание и форма научного знания, исторично, культуро-исторично. В то же время оно изменяется значительно медленнее, чем научное знание. В качестве основных его источников можно назвать, во-первых, обыденные знания, унаследованные от прошлого. В их составе могут содержаться как достоверные, истинные знания, так и знания недостоверные, ложные; могут содержаться устойчивые предрассудки и догмы, поверья и т.п. Обыденное знание освобождается от заблуждений и предрассудков неизмеримо медленнее, чем наука. Во-вторых, источником содержания обыденного знания является система образования. Правда, на многих этапах человеческой истории образование было делом немногих. В XX в. во многих странах (особенно в так называемом «социалистическом лагере») образование стало всеобщим. Однако сама организация системы образования и характер того знания, которое человек через нее получал, мало способствовало тому, чтобы оно стало чем-то большим, чем мертвый багаж, который мало к чему может быть применен. Наконец, третьим важным каналом, по которому осуществляется пополнение объема обыденного знания, является канал *популяризации* науки и научных знаний (в том числе и новейших гипотез) через издание популярных книг и средства массовой коммуникации (газеты, радио, телевидение, а в последнее время — и Интернет). Однако уже сама популяризация научных знаний чаще всего осуществляется со значительными издержками, оставляющими вне популярного преподнесения какие-то существенные аспекты научного знания. Довершает это снижение, вплоть до явной профанации, само же обыденное сознание. Оно «переводит» строгие научные понятия и принципы науки на язык обыденных представлений, разлагает его системность и увязывает разрозненные части в соответствии с логикой здравого смысла. Это, как отмечено выше, обусловлено, прежде всего, горизонтом обыденного опыта, принципиальной недоступностью ему того, что находится за линией этого горизонта. В этой связи

В.С. Степин пишет: «Тот факт, что наука обеспечивает сверхдальнее прогнозирование практики, выходя за рамки существующих стереотипов производства и обыденного опыта, означает, что она имеет дело с особым набором объектов реальности, не сводимых к объектам обыденного опыта» [11, с. 14].

Таково в целом обыденное знание. Однако кроме него, как отмечено выше, вне науки, за ее пределами со времени ее возникновения существовали и продолжают существовать разновидности *вненаучного* знания, которые, подобно научным знаниям, также являются специализированными видами знания, и, подобно научному знанию, они также противостоят сфере обыденного знания. Но, прежде чем перейти к их рассмотрению, обратимся к *не-когнитивным* мироотношенческим модальностям и дадим характеристику содержащимся в них элементам знаний.

На основе обыденного знания может формироваться и реально формируется то, что В.П. Филатов называет «народной наукой». Она уходит своими корнями в Архаику, в то, что было названо «протонаукой», т. е. комплекс донаучных знаний. Эти знания могут быть относительно специализированными. Эти «науки» выросли из практических знаний Архаики и по своей сути остались их комплексами. Они не превратились в системы отвлеченных знаний. Таковы народная медицина, народная агрокультура, народная метеорология и другие. Эти науки целенаправленно, т. е. предметно обобщали ранее накопленные знания, состоящие из примет, поверий, рецептов, навыков и т. д. Указанный выше автор пишет в этой связи: «Разумеется, мы сейчас можем сказать, что в народных науках отражаются связи лишь между явлениями, связи — и нередко фантастические — между данными в непосредственном опыте вещами, тогда как подлинная наука начинается там, где устанавливаются связи между сущностями, устанавливаются законы. Это верно. Но верно и то, что аккумулируемое в народных науках знание является по-своему весьма глубоким, целесообразным и нередко высокоэффективным в практическом отношении» [2, с. 141]. Народные науки — наиболее древние комплексы относительно специализированных знаний. Некоторые из них, конечно, вследствие развития аналогичных специализированных отраслей науки ушли в прошлое, а некоторые продолжают существовать и сегодня. Таковой является, например, народная медицина, которая довольно многообразна и подчас успешно конкурирует с официальной, научной медициной.

Список литературы

1. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. Ленинград: Наука, 1987. 152 с.
2. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. Москва: Политиздат, 1989. 270 с.
3. Степин В.С. Эволюция этноса науки: от классической к постнеклассической рациональности // *Этос науки* / под ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирской. Москва: Академия, 2008. С. 21–47.
4. Дождиков Р.Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // *Вопросы философии*. 2013. № 2. С. 33–38.
5. Эйнштейн А. Физика и реальность. Сборник статей. Москва: Наука, 1965. 360 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. Москва: Мысль, 1974. 452 с.

7. Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль. К истории немецкой культуры, против Карла Гейнцена // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. Москва: Издательство политической литературы, 1955. С. 299–301.
8. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. Москва: Мысль, 1984. С. 53–294.
9. Швырёв В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. Москва: Наука, 1978. 383 с.
10. Стёпин В.С. Специфика научного познания // Наука: возможности и границы. Москва: Наука, 2003. С. 7–20.

References

1. Pukshanskii BYa. Obydennoe znanie. Opyt filosofskogo osmysleniya. Leningrad: Nauka; 1987. 152 p. (In Russ.)
2. Filatov VP. Nauchnoe poznanie i mir cheloveka. Moscow: Politizdat; 1989. 270 p. (In Russ.)
3. Stepin VS. Evolyutsiya etnosa nauki: ot klassicheskoi k postneklklassicheskoi ratsional'nosti. In: Etos nauki. Ed. by L.P. Kiyashchenko, E.Z. Mirskoi. Moscow: Akademiya; 2008. P. 21–47. (In Russ.)
4. Dozhdikova RN. K voprosu ob aksiologicheskikh osnovaniyakh obydennogo poznaniya. *Voprosy filosofii*. 2013;(2):33–38. (In Russ.)
5. Einshtein A. Fizika i real'nost'. Sbornik statei. Moscow: Nauka; 1965. 360 p. (In Russ.)
6. Gegel' GVF. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Vol. 1. Nauka logiki. Moscow: Mysl'; 1974. 452 p. (In Russ.)
7. Marks K. Moraliziruyushchaya kritika i kritiziruyushchaya moral'. K istorii nemetskoj kul'tury, protiv Karla Geintsena. In: Marks K., Engel's F. Sochineniya. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. P. 299–301. (In Russ.)
8. Aristotel'. Nikomakhova etika. In: Aristotel'. Sochineniya. Vol. 4. Moscow: Mysl'; 1984. P. 53–294. (In Russ.)
9. Shvyrev VS. Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii. Moscow: Nauka; 1978. 383 p. (In Russ.)
10. Stepin VS. Spetsifika nauchnogo poznaniya. *Nauka: vozmozhnosti i granitsy*. Moscow: Nauka; 2003. P. 7–20. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия Владимировна Буртова — аспирантка кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: julia-08@inbox.ru

Information about the author

Yulia V. Burtovaya — PhD student of the Dept. of Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** julia-08@inbox.ru